

17.2.2000.

ВЛАДИМИР МИНИН:

Культура. - 2000. - 17-23 февр. - с. 11

Шалапин – вершина пирамиды, а в основании ее поющая нация

На Рождество в Европу всегда съезжаются самые лучшие исполнители со всего света. И в последний декабрь уходящего века впервые на гастроли в Германию приехал Московский государственный академический камерный хор под руководством Владимира МИНИНА. Волебство, ворожба, уникальный артистизм этого известнейшего всему миру хора поразили утонченную и взыскательную немецкую публику, которая по-новому открыла для себя православное пение. Обычно в Рождество мысли о бренности бытия уступают чувству великой радости и наполняют сердца любовью и благодарностью. Перед отлетом в Москву нам удалось встретиться с Владимиром Николаевичем в Берлине и поговорить о многом, что печалит и радует, и, естественно, о драматической истории нашего православного пения.

— Вы много ездите по свету, выступаете в соборах разных конфессий. Бывали у вас проблемы из-за этого с нашей Церковью?

— Никогда. Церковь только поощряла меня в том, чтобы мы несли миру православное пение. И мы всегда ощущали себя полномочными представителями православной культуры.

В российской истории хоры занимали очень важное место в духовной жизни общества. Возьмем хор Сергея Жарова — знаменитый в 20 — 30-е годы в Европе. Из кого он был создан? Выпускник знаменитого синодального училища вместе с остатками Белой армии оказался в изгнании в галлипольском лагере и набрал хор из солдат. Я слушал эти старые записи — удивительная стихия звуков, помноженная на отчаянную тоску по Родине. Даже в псалмодии "Господи, помилуй" затаенное, подспудное с неумолимым нарастанием пение возносилось к небесам и обрушивало на вас последнее "Господи, помилуй!" так,

что все обрывалось внутри. Это был великий хор, а ведь Жаров набрал его только из тех, кто был с ним в лагере.

Что сие означает? Что в дореволюционной России никакая ячейка общества не обходилась без хора. Это была глубокая потребность духа, потому как форма жизни была коллективная — и тем силен был русский человек. И тогда становится понятно, откуда взялся Шалапин. Он — вершина пирамиды, а в основании ее поющая нация.

— А с каким трепетом и гордостью цари относились к своим хорам...

— Совершенно верно. Взять, к примеру, хотя бы Николая II. Освещается собор Александра Невского в Париже, выстроенный во славу победы в войне 1812 года. Туда собираются направить хор Священного Синода, на что царь отвечает: "Сие дело не духовное, а государственное, потому как одно государство победило другое, а потому направить в Париж придворную капеллу!"

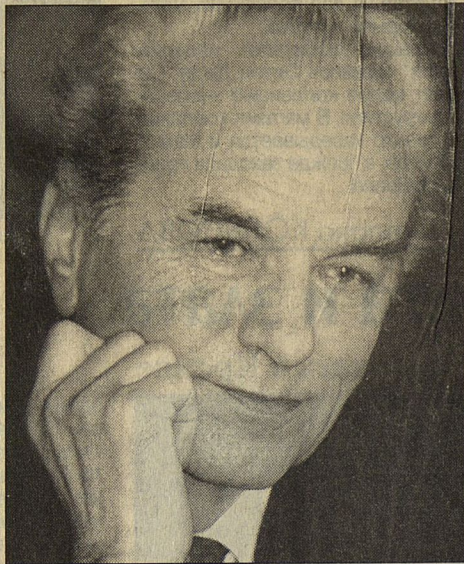

Фото Н. ЛЮДИНОВОЙ

ним и период отбора. Во взрослые певчие попадали только 32 человека. И среди них было шесть октавистов, которые брали такие необыкновенно низкие ноты, которые теперь никому и не снятся. Конечно, эти самородки вымерли в России — как мамонты. Кстати, Николай II боялся черных глаз — и певчие в его придворной капелле всегда были только светлоглазые.

— Если сравнить восприятие вашего хора здесь, в Германии, и в других странах — кто более всего входил с вами в резонанс: немцы, испанцы, американцы?

— Дело, видимо, не в восприятии только нашего хора, а в восприятии русской музыки — будь то православная или светская. Потому что ее эмоциональное воздействие безгранично, она захватывает любого. Я не видел еще страны, где публика оставалась бы к ней равнодушной, а побывали мы с хором примерно в 25 странах. И это невзирая на различные культуры и религии. Но наиболее темпераментные люди и музыкально одаренные от самой природы — мексиканцы, хотя самые музыкально образованные — немцы. В Мехико мы исполняли произведение Георгия Свиридова в знаменитом Оперном театре Бельяса Артес среди мощных полотен Ороско, Риверы, Сикейроса. Две с половиной тысячи зрителей — но тишина и внимание были такими, что слышно было, как муха летит. В Москве я дал прослушать запись этого концерта Свиридову. Так он посчитал, что это студийная запись. И только когда в конце раздался буквально взрыв аплодисментов, он поверил, что это живой концерт. Мексиканцы не просто слушают, они впитывают музыку. Их природная музыкальность совершенна, это вспаханное поле — только брось семечко... Немцы более сентиментальны по своей природе,

и когда на них действует музыка такого плана, они начинают таять.

— А немцы умеют расти в концерте, развиваться — открывать для себя и постигать непривычное?

— Умеют. И концерты в Германии это показали. В соборе они ведут себя иначе, чем в концертном зале. Собор несколько ограничивает и сдерживает восприятие. И это естественно. Но по ходу концерта музыка все более захватывает их, и они уже не стесняются ни слез, ни грома аплодисментов. Заключительный концерт в Schauspielhaus был просто поразительный. Воедино слилось все — и архитектура, и акустика зала, и публика, и наша программа. Контакт с первых минут, и поразительный отклик.

— Если честно, что вам больше по душе — собор или концертный зал?

— В больших концертных залах, если там хорошая акустика, я всегда купаюсь — это как для циркача запах опилок арены. В храме же я не могу выйти за определенные рамки — это богослужение.

— А в каких соборах вам интереснее или, может быть, удобнее петь?

— В средневековой готике петь неудобно, там нужны только прямые беззвучные голоса. А вот в соборах романской архитектуры III — IV веков нашей эры православная музыка себя чувствует хорошо, потому как православный храм сам округлый. Вибрация наших российских голосов — это особый уникальный способ пения. И, конечно, в нашем православном храме наиболее уютно.

Однажды наш хор пел с Еленой Образцовой и Евгением Нестеренко на могиле Пушкина в Святогорском монастыре. Сам храм малосенький, слушатели стояли со свечами в руках, тесно прижавшись друг к другу, и в полной тишине хор пропел с этими вели-

колепными солистами весь концерт. И ни одного хлопка. Через узкий проход поодионочке мы покидали собор, за спиной оставалась могила Пушкина... Как вдруг раздался стук каблучков по каменным плитам — только таким неожиданным образом слушатели смогли выразить свое состояние.

— Мне это знакомо. Много лет назад я была на записи вашего хора в Успенском соборе в Москве, и в конце так же не раздалось ни одного хлопка и все разошлись в молчании.

— Кстати, о молчании. Одним из самых сильных впечатлений моей жизни была Семана Санта — святая неделя в Испании. В шестидесяти километрах от Мадрида, на юго-западе, есть городок — Куэнка. В пасхальную неделю там проходит шествие святых орден на тему каждого святого дня. Я попал туда в страстной четверг — на шествие Молчания. В эту ночь Иуда поцеловал Христа, и абсолютным молчанием идущие в ночи монахи проклинали Иуду. Ничего не видно — ночь, только слышна равномерная поступь идущих, и где-то вдалеке ей вторят дробь барабанов и странный звук инструмента, напоминающего шотландскую волынку. В абсолютном суровом молчании ночи на твой слух воздействует только этот ритм, который все нарастает и нарастает, доходя до фортиссимо. Вот сгусток неистовой духовной силы, накопленной веками глубокой веры.

— Спускаясь с небес на землю, мне хотелось бы вам задать простой житейский вопрос: может ли художник быть свободным от конъюнктуры рынка и творить, не оглядываясь на нее?

— Нет. Это при советской власти я плевал на все и всегда делал, что хотел, а на рынок невозможно наплевать. Парадокс, но факт! К советской власти можно

было находиться в оппозиции, а в оппозиции к рынку — не получается. Что я делал раньше: шел к Петру Ниловичу Демичеву, поскольку ко мне лично он относился хорошо, приглашал в Большой зал консерватории на наш концерт. Он мог даже не приезжать, но я говорил: ждем-с Петра Ниловича. И программа шла. Вот и вся "симфония" советской власти.

Раньше было проще почувствовать и, соответственно, реализовать духовные запросы публики. Сейчас же очень сложно понять, в чем общество нуждается. Я с ужасом думаю о том, что слой, который нуждается в серьезной музыке, катастрофически истончается.

— Что же дальше? Ослепление националистической идеей, такой далекой от истинной жизни духа?

— К сожалению, извращенная жизненная ситуация в России способствует этому. Слово "патриотизм" в таком, к сожалению, контексте давно стало бранным.

— Грустно оттого, что все происходящее с нами — надолго. Есть вещи, для нас очевидные. Но есть и подспудная жизнь, невидная глазу, и где-то в самой глубине там идут процессы, которые нашему сегодняшнему сознанию неизвестны.

— Мне кажется, что эти процессы более позитивные, чем нам сейчас кажется. Эта магия выйдет на поверхность. Моисей водил евреев сорок лет по пустыне, но нам потребуется более шестидесяти. И не потому, что мы такие тупые, а потому, что мы слишком рабы, мы никогда не были свободны. Но когда-нибудь Россия явит миру свою суть. Вот в это я верю.

— А недавно, я знаю, вы были в Краснодаре. Казалось бы, коммунистический красный пояс — вы пели кубанцам две серьезнейшие программы, а зал буквально стонал.

— Сверхзадача нашего хора — чтобы программы русской духовной музыки вызывали у любого слушателя катарсис, нравственное очищение и чтобы душа его задумывалась над тем, зачем он пришел в этот мир и что творит в нем.

Музыка живет во времени, а время протекает в пространстве. Особенно это чувствуешь там, где пространство храма утратило свое первоначальное и теперь существует только как творческое пространство, но святая архитектура осталась. Это я ощущал, например, в Стамбуле и в Нотр-Дам-дю-Марсель, где уже нет богослужений. Это только музеи. Там во время концерта перед вами абсолютно голый алтарь, но в алтаре этом почему-то сидят люди. Вокруг кирпичная кладка, и летают голуби. Хор располагается перед алтарем, а люди, сидящие за ним и в алтаре, как бы замыкают круг, и вы находитесь в кольце, а все вместе мы образовывали нечто живое и целое, потому как нет рампы и разграничений, а есть только диффузия энергий. Пожалуй, там я ощущал мечту Христа о вселенском братстве.

— Но когда же начнутся наши шестидесять лет?

— Возможно, они уже начались. Вы знаете продолжение всем известной горьковской легенды о Данко? Он вырвал свое сердце для людей, чтобы вывести их к новой жизни, а они ему на это: "Зачем ты это сделал? Нам было так уютно и хорошо в болоте". И побили Данко камнями. К сожалению, болото — это тоже наша генная память. Что мы можем сделать? Не знаю. Перед каждым концертом я стараюсь остаться один и всегда молю Господа о милости...

Александра ТУРГАН
Берлин

По сообщениям корреспондентов "Культуры" и ИТАР — ТАСС